

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Александр АФАНАСЬЕВ

ЭКИПАЖ
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Александр Афанасьев
Экипаж специального
назначения
Серия «Спецназ. Группа Антитеррор»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10878101
Афанасьев, Александр. Экипаж специального назначения: Эксмо;
Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81699-6

Аннотация

Агенты ЦРУ при помощи пиратов-наемников топят российское торговое судно, перевозящее военное снаряжение в одну из ближневосточных стран. Агент СВР по имени Влад предлагает своему руководству план многоходовой операции возмездия, чтобы положить конец господству США в Средиземноморье. Для начала Влад использует свои связи в хорватской мафии и запускает дезинформацию о том, что Россия якобы намеревается переправить в Сирию морским путем крупную партию взрывчатки. Американцы клюют на приманку. «Морские котики» срочно готовятся к операции по захвату и уничтожению российского сухогруза, идущего в Сирию. Они еще не знают, что на самом деле ждет их на борту...

Содержание

Стокгольм, Швеция	5
Стокгольм, Швеция	19
Стокгольм, Швеция	30
Средиземное море	47
Швеция, остров	55
Стокгольм, Швеция	73
Стокгольм, Швеция	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александр Афанасьев

Экипаж специального назначения

© Афанасьев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Стокгольм, Швеция

21 ноября 2014 года

*И с чистого листа
Опять начнёшь сначала.
Звоню в последний раз,
А голос мой сотри.
И с чистого листа,
И снова всё сначала,
Закончилась про нас
История любви,
История любви...*

Увы, но с чистого листа в нашей профессии начать невозможно. Прошлое пятнит тебя. Не отпускает подобно жирному чеченскому пластилину – грязи, которая там везде...

Начнем, наверное, сначала, как обычно. Это Стокгольм, столица Королевства Швеция. Королевой которого, вероятно, в недалеком будущем станет бывшая секс-модель со страниц модных журналов, но у меня к этому никакого негатива нет. Наоборот, горячо одобряю выбор наследного принца – будущего Его Величества...

Я стою в месте, которое можно считать одним из самых красивых мест в Стокгольме. Это порт Фрихамн, куда при-

ходит паром «Принцесса Анастасия» из Таллина. В соответствии с шенгенскими соглашениями турист, имеющий шенгенскую визу, выданную одной из стран соглашения, имеет право беспрепятственно путешествовать по всем остальным странам. Следовательно, лучший лаз в Европу из России – это Прибалтика. У меня самого паспорт гражданина Эстонии, настоящий. Из прибалтийских стран в Швецию ходят огромные красивые паромы, обычно длительная экскурсия по странам Прибалтики предусматривает однодневную поездку на пароме в Стокгольм. Этим путем в столицу Швеции прибывает масса русских туристов, и я надеюсь, на Ходынском поле воспользовались моими рекомендациями, а не стали пороть отсебятину. Человек, живущий долгое время в каком-то месте, лучше знает все ходы и выходы, что привлечет внимание, а что нет. И лучше бы его – то есть меня – послушать. Даже оперативному отделу Главного разведывательного управления Российской Федерации.

В руках у меня табличка, написано: «Группа из Удмуртии». Это пароль. Точнее – его часть. Вопрос – отзыв: не подскажете ли, как добраться автобусом до Олимпийского стадиона? Мой ответ – проще всего поехать на метро...

Почему именно «группа из Удмуртии»? Ну, во-первых, это куда лучше, чем «группа из России». Русских здесь не любят. И не только из-за Путина. Но и из-за наших, скажем так, не лучших манер. А Удмуртия, входящая в состав России, – финно-угорская республика, здесь конференции про-

ходят, в общем, тему эту знают.

Во-вторых, был у нас сержант в учебке. Тупой как валежник, садист тот еще – мы дали ему кличку «Удмурт». Не знаю, почему так – вряд ли кто-то из нас, дохлых салаг, прибывших для прохождения службы в шестьдесят первую бригаду морской пехоты, хоть раз в жизни видел настоящего удмурта. Но Удмурта мы запомнили. Впоследствии я хотел выбрать себе оперативный псевдоним «Удмурт». Но мне не разрешили. Сразу будет понятно, откуда казачок. Пришлось выбрать другой.

В конторе я уже не работаю. Просто задолбало все, а реформы Мебельщика оказались последней каплей. Я и еще несколько пацанов с такими же биографиями организовали фирму – нечто среднее между криминалом, детективной работой и защитой интересов клиентов – и начали работать. Поскольку в России до сих пор не урегулирован статус ЧВК – частных военных компаний, – юридического лица в России у нас нет. Хотя большинство заказов нам поступает из России – просто в силу того, что мы до сих пор в активном резерве.

О сегодняшнем заказе – чуть попозже. Вон они идут...

Всегда был против того, чтобы к таким делам привлекали армейских. Просто в силу мордолитета. Можно вышибить человека из армии, но нельзя вышибить армию из человека. То, что русские, дает дополнительные проблемы: русского я опознаю на любом курорте в девяти случаях из десяти. Это и язык, это и манеры поведения – неуверенность и одновре-

менно вызов, это и неумение пользоваться всем тем, что составляет основу повседневной жизни западного человека – как арендовать машину, как снять номер в отеле, как воспользоваться услугами медицины, сколько и кому давать на чай. Я все это знаю, я, в конце концов, два года в США продержался и так и не был раскрыт.

Ага, вот и они.

Я жду прямо у окон регистрации – кого прислали, тех нельзя оставлять ни на секунду, того и гляди напортачат. Место похоже на наш вокзал или любую билетную кассу. У скандинавов вообще все простенько – только чисто, как в операционной, никто не пьет пиво из горла, не курит, не рыгает на пол, окурков не валяется и стены ничем не исписаны. Турникетов нет – никто не ожидает, что кто-то проскользнет на паром, не заплатив. Если выйти, то увидишь реновированные здания судоходной компании со стеклянными пристроями и эскалатором внутри их, и дальше – элеватор, кажется. Не знаю точно, может, и цементный завод. Если посмотреть в другую сторону – то увидишь берег, зелень, высокое здание гостиницы и здания, сильно напоминающие советские, семидесятых годов. В Швеции вообще модой считается советский конструктивизм, хотя они такого слова и не знают.

Я улыбаюсь. Здесь всегда надо улыбаться. Шагаю на встречу.

– Привет.

Быки смотрят на меня. В отличие от меня, актера пого-
релого театра, – это спецназ морской пехоты, балтийцы или
североморцы. Или и вовсе – боевые пловцы. Их задейство-
вание обусловлено чрезвычайной опасностью операции. Но
для начала им хотя бы добраться без происшествий до Сток-
гольма надо. А это непросто. Тут недавно вбросили инфор-
мацию о российской подводной лодке, после чего Скандина-
вию накрыла очередная волна антироссийской истерии. За-
говорили даже об отказе от нейтралитета и вступлении в НА-
ТО.

Это они зря.

– Как добраться до Олимпийского стадиона?

– Проще всего поехать на метро. Станция «Техниска Хег-
сколан», Королевский технический колледж.

Пароль – отзыв. Явно – нервничают.

– Все в порядке?

– Да.

– Тогда пошли. Не кучкуйтесь только.

Выходим. Тут эскалатор, удобно. Небольшая площадка,
аккуратно размеченная, чистенькая, почти без машин. Бе-
тонные столбики отмечают правильное направление дви-
жения. На флагштоках четыре флага – шведский, норвеж-
ский, российский и судоходной компании. Моя машина –
«Фольксваген Транспортер» – припаркована у самой доро-
ги, через дорогу – обшитые сайдингом промышленные зда-
ния и склады того же, темно-вишневого кирпича, возможно

построенные в позапрошлом веке. В целом столица Швеции не поражает – некая смесь Питера и уездного города, в котором сохранились здания девятнадцатого века, – не сравнить только дороги. Просто не верится в то, что здесь четыре-пять тысяч евро на руки в месяц – приличная зарплата, и не более того. Но это так.

– Садитесь.

Выруливаем. Название улицы, на которую мы выезжаем, я говорить не буду, потому что вы все равно не выговорите. Кстати, шведский и русский языки явно имеют один корень, взять хотя бы Техниска Хегсколан. Если посмотреть, как пишутся эти слова на шведском, – русский поймет. Старошведский язык еще ближе к русскому.

К ней мы и катим. Там удобная стоянка, где я и оставил машину. Еще там рядом станция метро.

Домашнюю работу я сделал хорошо, как и всегда. Четыре паспорта, немного переделанных – тут паспортов полно, купить просто, потому что все, кто подает на азию, беженца, паспорт своей страны прячут или уничтожают, скупать их можно сотнями, что я, честно говоря, и делаю, отсылая большую часть улова в Москву. Информацию о тех, кто прибывает, с фотографиями мне скинули, и я заранее заготовил не только паспорта – я организовал фиктивные интервью в Мэште и получил четыре временных вида на жительство. Это намного лучше любой визы, позволяет оставаться

в стране на срок до шести месяцев, пока миграционное ведомство (это и есть Мэшта) проверяет вашу историю и думает, достойны ли вы постоянного вида на жительство в Швеции или не достойны. На местном сленге – это позитив или негатив. Все это время вы имеете право быть в Швеции, и вас никто не контролирует, можете делать что хотите. Помимо этого, вам полагается пособие в две тысячи крон в месяц, на четверых – восемь тысяч крон. Половина пойдет мне, половина – тому работнику Мэшты, с которым я контактирую давно и плотно и который мне все это устроил. Через Мэшту проходит такое количество самых разных мигрантов, что установить, были ли тут эти четверо, практически невозможно. А мне на счет упадет четыре на шесть – двадцать четыре тысячи крон. Вот так вот. Суслик, с...а, хитрый.

Но вся моя хитрость идет прахом в один миг по прихоти моей родной конторы. Я смотрю на тех, кто приехал, и вижу, что один человек не соответствует тому, что был заявлен. Таким образом, на него у меня нет ни паспорта, ни временного вида на жительство.

– Где этот? – Я достаю паспорт, ставший ненужным. – Почему его нет?

– Не смог приехать...

Твою мать!

Выхожу из машины, достаю спутниковый, набираю номер. Козлы...

– Алло.

– Жень, какого, б... хрена, а? Ты мои нервы на прочность испытываешь или как?

Женя – мой куратор в ГРУ. Именно он автор идеи «анонимных» операций, исполняемых не штатными или внештатными агентами ГРУ, а частными военными компаниями и независимыми подрядчиками, с объявлением флага или без такового. Уже первые операции показали чрезвычайную эффективность такого рода воздействия: не надо продумывать заброску, эксфильтрацию, готовить легенду – чаще всего они уже есть. Просто платишь деньги и говоришь, что тебе нужно.

– А что случилось?

– Бычье, которое ты прислал. Одного я совсем не знаю. Я тебя предупреждал – левых быть не должно, нет?

– Ну...

– Гну! Чо мне теперь с ним делать – обратно вплавь отправлять?

– Не пыли. Были тут обстоятельства.

Говоря по телефону, лучше держать язык за зубами. Даже если это спутниковый.

– И чо мне теперь делать? Его же любой мусор заметет.

– Ну, придумай что-то, брателла. Ты же умный.

– Да пошел ты! В Одессе допридумывались.

Бросаю трубку. В Одессе действительно допридумывались, а меня даже затримала милиция. Не опознали, сумел выскочить. Но с тех пор к ГРУ у меня счет...

Ладно, спокойно. Разберемся. Не в первый раз. Суслик, с. а, хитрый. Возвращаюсь обратно к машине:

– Паспорт дай.

Паспорт – российский заграничный. Шенген есть – литовский. Уже хлеб.

– Языки знаешь?

– Английский... немного.

– Еще?

...

Ясно. Так... короче.

– Переигрываем. Я беру «Вольво». Кто его напарник?

– Я.

– Ты. Вот и будете вместе. У вас – медовый месяц, о'кей?

– Чего?

Понятное дело, что русскому человеку все это чуждо. Но тем не менее.

– Через плечо. Ты – гражданин великой Британии, твой друг – из России. Возвращаться не собирается, собирается подать документы на политическое убежище из-за преследований по сексуальным мотивам. То есть из-за гомофобии. Вы познакомились в Интернете, вступили в переписку и поняли, что не можете жить друг без друга. Сейчас вы совершаете что-то вроде свадебного путешествия по Скандинавским странам. Еще вопросы?

Мои гости молча обтекают. Потом один взрывается:

– Да это, б... Х... знает что.

– Верно. Х... знает что. Вот ты какого хрена сюда приперся?

...

– Приказ... – не находит лучшего ответа морпех, самый молодой из всех.

– Приказ? А то, что другой должен был приехать, – это как? У меня ксива на него была готова, ее теперь – куда? А тебя – куда? Вплывь до Питера? Ты знаешь, что тут русскую подводную лодку недавно видели? Докуда ты пройдешь со своей мордой лица и русским паспортом – до первого полицейского?

– Брат должен был поехать.

– И чо брат?

– Раненый он.

– Ясно. Ну так слушай. Я же вас не заставляю в ж... долбиться. Этот способ пройти – единственный. Гей-туристов тут полно, на них никакого внимания не обращают. Российским пи... геям, короче, сочувствуют. Когда Путин гомофобные законы подписал, тут настоящая истерика началась в соответствующей прессе. Половина будет смотреть на вас с одобрением, половина – стараться не замечать. Полиция тоже не подойдет – здесь сильные гей-активисты. Только попробуй тронь одного из них, потом от дерьма не отмоешься. Ну, что? Горько – или обратно до Питера в плывь?

Пехи снова переглянулись. Старший сдавленно произнес:

– Твою же мать...

– Моя мать тут ни при чем. Ругаться прекращайте, шведы знают наш мат и обожают доносить в полицию. Значит, так – вы, двое, берете «Транспортер». Едете на окраину, снимаете номер на двоих в недорогом отеле. Отзваниваете мне, телефон записываете, – я продиктовал номер, – ни слова по-русски, только на английском языке. Так, теперь ты. Как звать-величать?

– Трактор.

– Как?

– Трактор.

В принципе понятно почему.

– Позывной откуда такой?

– Я с деревни, Владимирская область. Могу на тракторе, могу на БТР. По ВУС я механик-водитель. БТР, БМП знаю. На танке пару раз пробовал.

– А чинить можешь? Ну, движок там.

– Чего сложного.

– Ясно. А чего в деревне не остался?

– Чо мне, спиваться, что ли? Вся деревня сбухалась. Я по райцентру иду, смотрю – у военкомата плакат: служба по контракту. Дай гляну. Ну... вот.

– Языки откуда знаешь?

– У нас, как школку закрывали, книги все на помойку отнесли. Я подобрал кое-что. Словари... Вот и читал. Читать-то нечего.

Ясно. Ще не вмерла русская деревня. Хотя недолго до это-

го. Раньше школа в деревне – праздник, а теперь закрыли и книги на помойку отнесли.

– Вот твоя ксива. Ты – мигрант из Белоруссии, Владимир Савелый, временный вид на жительство получил, сидишь на социале и тихо подрабатываешь.

– Это как?

– Социал – шестьсот двадцать евро в месяц. Белорусский не знаешь... но его мало кто знает – все на русском тарабашнят. Там я пару листов вложил – коротко все, что тебе надо знать. Где живешь, где подрабатывал, сколько стоит квартиру снять, как оформлял документы, где питался. Подрабатывал нелегально, у румынов в автомастерской, чтобы социала не лишили. Но в полиции сразу про румынов не выкладывай, только адвокату, которого тебе приведут. Понял?

– Ага.

– Сейчас идешь на метро. В пакете проездной на семьдесят два часа, куплен утром и этого пока хватит. Метро здесь тунельбан, буква «Т», а не «М», как в России. Доедешь до станции «Ропстен», красная линия. Там рядом автобусный вокзал, обратишься к кому-нибудь, спросишь недорогой отель или снять жилье. Практически все здесь знают английский, люди доброжелательные, тебе помогут. Сними номер на трое суток или небольшую квартиру. Наличку я в пакет положил. Вопросы?

– Да нет.

– Вот и гуд. Так, теперь ты. Как звать?

– Студент.

– А чо так?

– Студент я.

– Специальность?

– Машиностроение. По ВУС – снайпер-разведчик.

– Вот твоя. Украинец, Семен Марчук. Зачем убежал, объяснять надо? Едешь до центра. На метро, станция «Центральный вокзал», она тут как в Москве «Комсомольская», ее все знают. Отель буквально через улицу, пройти сто метров на север. Рядом с вокзалом. Там снимешь номер, недорогой. Отзвонишь. Если нет номеров, спроси, где есть. Обслуживание тут хорошее, опять же – помогут. И мне отзвонишь. Вопросы?

– Никак нет.

– Ответы эти забывай. Значит, общая информация для всех – ни в какие конфликты не вступаем. Можете пошататься по улицам, тут туристов полно, но быть постоянно на связи. Питаться – только в супермаркетах, тем, что навynos, или в крупных заведениях общепита. В небольшие лавки и заведения не соваться. Хозяева могут заметить, что вы русские и плохо ориентируетесь, и позвонить в полицию. Стучат здесь много и с удовольствием. Слова «менты – козлы» здесь неведомы. Если что, звоните мне. Вопросы?

– Если что, то общий сбор где?

– Допустим, здесь. Каждые десять часов вечера, потемну. Если вас задержит полиция – показывайте билеты с парома,

они настоящие. Говорите, что приехали как туристы, оторвались от группы с целью затеряться и подать на политическое убежище. Тут полно таких, беженцы называются «азюля», и все, что вам грозит, – депортация. Ясно?

– Да.

– Разбежались.

Открылась дверь. Двое выбрались и поспешили к метро.

– Я в «Вольво». Ты – за рулем и за мной.

Вышел, огляделся. Вроде как ничего. В Швеции пока тихо. Но это – пока. Двадцать процентов выпускников школ – мусульмане. Самое популярное имя для младенца – Мохаммед. Недалеко от города лагеря – там и сомалийцы, и афганские беженцы – кого только нет. На выпускном в этом году пьяная гоп-компания выпускников откуда-то достала флаг с шахадой, угнала самосвал и гоняла по городу с криками «Аллах Акбар!» и крушила все на своем пути. Их удалось остановить, только когда самосвал они угробили, перед этим разбив двадцать машин¹. Хорошо, что ночь была, никого не сбили. Полиция следовала за ними, но не знала, как их остановить, а стрелять не решалась.

Вот так и живем.

¹ Это реальный случай.

Стокгольм, Швеция

22 ноября 2014 года

Целый день у меня ушел на урегулирование всяких мелочей, начиная с того, чтобы купить некоторое количество символики ЛГБТ и привезти ее нашей влюбленной парочке, и заканчивая тем, что надо было проверить, пришло ли оружие. Оружие пришло – два автомата «Застава», три пистолета «CZ». И пистолеты и автоматы с самодельными глушителями, которые тут делает одно предприятие, которым, кстати, владеет русский. У него там есть высокоточные станки – вот он и делает. Вроде как для каких-то других целей... запчасти для лодочных моторов, что ли? Собрал – готово. Вот чего замечая за нами, русскими, – мы как будто всегда играем в какую-то игру, кто кого перехитрит. Швед, если бы у него было такое предприятие, к нему бы обратились с таким предложением и он понял бы, о чем речь, – такой бы заказ выполнять не стал бы. Вне зависимости, поймают или нет. А русский – станет. Вот почему тут полицейских почти не видно, а у нас полно, а спокойствия все равно нет. Нельзя защищать закон, когда возможность обойти его ищут не отдельные личности, а вся страна.

В порту я арендовал катер. Близ Стокгольма полно островков, которые никому особо не нужны, – на некоторых

размещены дорогие дома, на некоторых устраивают пикники, некоторые и вовсе необитаемы. Собрав всех нас впятером, мы вышли в море – надо проверить кое-что, найти подходящий остров, обследовать его, поставить маяк. И проверить оружие – я его привез в багажнике своей «Вольво». Проверять меня никто не проверял, останавливать не останавливал – здесь вообще никогда не останавливают, если ты что-то не нарушил. Какая-то бабка двадцать лет ездила без прав – ездила осторожно, и ее так никто и не остановил за все эти двадцать лет.

Красота здесь – северная, суровая. Сосны цепляются за омываемый свинцовыми водами Балтики гранит. Низкие домики с веселого цвета крышами, скупые галечные пляжи с выброшенными на берег потемневшими корягами. Вон на горизонте – паром, этот, похоже, идет в Росток. Где-то тут, на берегах Балтики, зародилась одна из самых мощных земных цивилизаций – славянская...

Какие-то девушки на катамаране беззаботно помахали нам. Спасибо, не сегодня.

Остров мы нашли почти сразу... Собственно, я его давно присмотрел, когда за рыбой ходили. Чуть больше квадратного километра, мне он приглянулся тем, что полностью порос лесом и есть удобная бухта, чтобы поставить лодку. Здесь часты штормы, потому запросто можно остаться и без лодки. А не хотелось бы. И наконец, с восточной стороны острова дно резко уходит вниз – промерил рыболовным эхолотом.

Глубина – достаточная, чтобы могла подойти даже небольшая подлодка.

Хотя... хватит с нас подлодок.

– Забираем все. Лодку – на берег.

Специальные операции, на мой взгляд, сильно переусложнены. ГРУ как будто все еще работает во времена «холодной войны». Например, мне вполне серьезно предлагали сбросить необходимое для операции оружие с самолета в нейтральных водах, чтобы я мог выйти в море и подобрать его. Зачем? Я всего лишь обратился к своему другу, хорвату Горану, о котором я еще расскажу, и купил у него все, что нужно, за наличные. Рации, автоматы, глушители к ним – все, что угодно. И зачем продумывать эксфильтрацию с участием подводной лодки, когда можно на катере уйти хоть на Финляндию, хоть на Амстердам, хоть на Росток – и ищи ветра в поле.

– Оружие расконсервируем, глушители надеваем – по десять пристрелочных выстрелов. Не больше. – Я показал: – Вон туда.

Автоматы – марки «Застава М21», почти точная копия старых израильских «Галиль». Глушители надеваются на ствол без резьбы, посредством стандартного пламегасителя НАТО и хомута. Все это нам потребуется, чтобы захватить одного типа, вывезти его сюда, на остров, и с ним переговорить по душам. Потом, через несколько дней, как проблема будет решена, мы его, скорее всего, ликвидируем и в во-

ду сбросим. Почему так жестко – потом расскажу. Ублюдок этот давно напрашивается, без него мир чище будет.

Я тоже привычно разобрал свой автомат, смазал и собрал обратно. Примкнул глушитель, затянул... Теперь несколько выстрелов вон в ту сосну. Отлично работает. Конечно, это не похоже на пресловутый «хлопок в ладоши», скорее, это громкий звук пастушьего кнута, но не выстрел. А так как звук в воздухе глушится пропорционально кубу расстояния, метров со ста пятидесяти – двухсот уже ничего не будет слышно.

Морпехи тоже проверили и пристреляли свое оружие. Настало время брифинга...

– Итак, цель нашей миссии, – мы сидим кругом, около поваленной сосны, я вывожу фотографию на экран планшета, прислоненного к побитому пулями черному стволу, – Хабиб Фарах Ахмед. Тридцать девять лет, по его собственным словам, папаша – саудовский шейх, который не хочет его знать, мамаша – беженка, которая прислуживала в доме и потом вернулась обратно. Очень может быть, что и так, – кожа для африканца у него слишком светлая, черты лица не негроидные.

Фотографию раздобыть было нетрудно. Один хакер продал мне ворованную базу данных иммиграционного ведомства. Там она и была.

– Беженец из Сомали, до эмиграции в Швецию занимался пиратством, особо этого и не скрывает. Позывной – «Тор-

педа», в его подчинении было до четырехсот человек. Сейчас меньше – от пятидесяти до семидесяти, но дело он свое не бросил. Занимается пиратством и сейчас, а также переводит деньги отсюда в Африку по системе «Хавала», похищает здесь белых женщин и переправляет их в Африку, в бордели, в общем, от пиратского бизнеса он во многом отошел, расширил сферу приложения своих талантов.

– П...ц... – непечатно выражается Трактор.

– Что – п...ц? – осведомляюсь я.

– Да все это. Здесь чо, вообще власти нет?

– Не, власть есть, – успокаиваю его я, – будущая королева для модных журналов голый снималась, а министр по делам образования и семьи – голубой, как это небо. Полиция здесь предпочитает договариваться, а Торпеда умный, он знает, где край, и никогда его не перешагнет. Например, относительно женщин – сюда много беженок приезжает: Украина, Беларусь, Польша. Все наслышаны о здешней системе соцобеспечения и хотят пожить на халяву. Вот люди Торпеды и хватают таких... Шведку они никогда не украдут, женщину, которая получила официальный статус, – тоже, зачем им головняки. И шведской полиции тоже головняки не нужны – беженцев в их базе данных нет, можно даже дело не заводить, да и кто пойдет жаловаться. Все довольны, все гогочут. Я на твой вопрос ответил?

...

– Не слышу.

– Так точно.

– «Да» будет достаточно. Тогда продолжаем, и больше не перебивать старшего по званию. Записывать – заставлю.

Иногда пристрожить надо. Пойдет на пользу.

– Итак, Ахмед прибыл сюда в девятом году, когда понял, что пиратству в основном приходит каюк. В основном он команду свою распустил, но костяк остался, под командованием его сводного брата Али Абдаллы, занимаются они всем чем угодно – от пиратства до заказных убийств. Уже в десятом году он получил не только шведское гражданство, но и жилье от государства, состоящее из трех комнат. Сами понимаете, без барашка в бумажке такое невозможно. После чего начал сколачивать банду из таких же, как он, беженцев из африканских стран. Криминальное досье его почти чистое, за исключением одного случая – в десятом на него подала заявку гражданка Швеции. Дело позже развалилось, потерпевшая изменила показания, сказав, что она сама хотела немного жестокости, – в общем, износ² закрыли. Теперь он стал умнее: по моим данным, у него три семьи здесь и еще две в Норвегии, так что жаловаться на отсутствие женского внимания не приходится. Все его жены встали на учет как нуждающиеся многодетные матери-одиночки и получают пособие от государства – размером не меньше ста тысяч евро в год. Учитывая то, что пособие увеличивается с рождением каждого нового ребенка, а Ахмед над этим трудится исправ-

² Изнасилование.

но, надо думать, что и эта отрасль бизнеса у него тоже процветает.

Вижу, что морпехи с трудом сдерживают «оху...», удивление, короче. Это нормально. У меня тоже, как я сюда попал, первое время волосы дыбом вставали от всего этого. Потом привык. В каждой избушке свои погремушки, короче, и не стоит осуждать других, если не хочешь, чтобы осуждали тебя. Надо помнить, что здесь средняя зарплата – три-четыре штуки евро, а в России и штуки не наберется. Хотя в последнее время и у шведов – настоящих шведов – тоже становятся дыбом волосы от того, во что превратилась их страна.

– Сводный брат Хабиба Фараха Ахмеда Али Абдулла со своей бандой каким-то образом оказался в Средиземном море и напал на сухогруз «Сирена» под монгольским флагом. Сухогруз был зафрахтован подставной финской компанией «Контекст» и вез в Сирию восемь тысяч тонн оружия и военного снаряжения. Поставка производилась с ведома и под контролем ГРУ, большая часть груза – это просто военная помощь, например патроны на пределе срока хранения. Их либо уничтожать по акту, либо переправить нашим сражающимся друзьям.

На сегодняшний день о захвате судна ничего не известно. «Адмирал Ушаков» уже выдвинулся на позицию, на нем – группа военно-морского спецназа, готовая отбить захваченное судно. Но это вариант Б. Вариант А – мы хватаем Хабиба Фараха Ахмеда, привозим сюда, пугаем до смерти, даем ему

спутниковый телефон, после чего он звонит сводному брату и говорит, что обстановка изменилась и ему следует убираться с захваченного судна вместе со всей гоп-компанией. После чего пираты тихо и мирно покидают судно, а спецназ так же тихо и мирно поднимается на него и судно продолжает свой путь в порт назначения. Все довольны, все гогочут. На самом деле именно так следует решать проблемы – никакого лишнего героизма, и борзым надо всегда давать по рукам. Чтобы наши суда охранял не спецназ, а уважение.

Когда-то так и было. В Бейруте, в веселые восьмидесятые, воровали американцев, а однажды додумались украсть и советских людей. Безнаказанность развращает, а американцы так и не смогли провести ни одной нормальной спасательной операции. Кстати, пока государство США бездействовало, Росс Перо, техасский миллиардер и впоследствии кандидат в президенты США на выборах 1992 года, успешно, минимальными силами, спас своих людей из самого центра революционного Тегерана³. Мы же поступили еще проще – украли в ответ племянника религиозного авторитета, имевшего вес для той группировки, которая и похитила советских людей, и вернули арабам его голову посылкой. После чего советские люди были с извинениями освобождены, и арабы зареклись повторять такое.

Так надо сделать и здесь. Не думайте, что пираты не зна-

³ Эта потрясающая история случилась на самом деле и описана в романе Кена Фоллета «На крыльях орлов». Советую прочитать всем.

ют, что захватывают, – все они отлично знают. Во всех крупных портах Европы – Гамбург, Росток, Амстердам, Ливерпуль, Саутгемптон – благодаря массовой и неконтролируемой миграции из третьих стран действует пиратское подполье, они смотрят, что и на какие суда грузят, куда они идут, кто капитан, насколько надежны системы борьбы с пиратством, насколько богаты отправители грузов, сколько реально с них можно стрясти, где и как рейсы застрахованы. Были случаи, когда агенты пиратов поднимались на борт еще в порту и прятались в контейнерах, чтобы в нужный момент облегчить захват судна. Тут же идут переговоры об освобождении. Если раньше Меккой переговорщиков была Кения, то теперь переговорщики есть и в самой Европе, даже выкуп принимают тут же – не надо перевозить за тридевять земель. Это целая индустрия, и если ты не хочешь, чтобы твои суда угоняли раз за разом, надо сразу дать по рукам. Это и будет уважение.

– ...Так, внимание. Разговоры прекратили, слушаем сю-да...

...

– Основные точки, где он может проявиться. Вот это – его квартира в Скарпнек, точнее, квартира его второй жены, Хаббы Ахмед. Сюда он приходит ночевать, когда находится в городе, – если у него нет других дел. Квартира в престижном довольно-таки районе, здесь живет шведский средний класс. Вот, кстати, и она сама.

На фотографии была изображена толстая и довольная собой африканка, идущая по улице.

– Сколько у него детей? – спросил Трактор.

– От Хаббы Ахмед? Трое. А что, есть разница?

– Да не.

– Тогда продолжаем. Днем он тусит в порту. Там его брать не стоит – все на виду, сразу вмешается полиция, и, хотя мы сразу отойдем на катере, могут быть проблемы. Днем он обедает обычно в ресторане, вечером – решает проблемы вот здесь. Это район Фитья, район дурной, здесь полно мигрантов. Здесь его брать тем более не стоит, будет много крови, а нам это ни к чему. На мой взгляд, лучше всего брать его вот здесь. Это квартал жаворонков, или район красных фонарей. Сюда он навещается почти ежедневно. Любит белое мясо. Брать будем, инсценировав разборку. У меня есть два мощных электрошокера, оденемся как сутенеры и возьмем его. Кто-то будет с винтовкой на прикрытии. Затем идем в порт и садимся на катер. Сваливаем сюда. Если даже нас каким-то образом проследят до порта, понять, куда именно мы направились, будет невозможно – может, даже в соседнюю страну. Да и не будет полиция надрываться при поисках – все понимают, что это за мразь. Итак?

– А как мы узнаем, что он поехал к бабам? – спросил третий морпех.

– Прицепим «жучок» на машину. «Жучок» уже есть. Тебя, кстати, как зовут?

– Меня? Карлик.

Понятно почему – рост выше метр девяносто.

– А по ВУС?

– Разведчик – стрелок, но так я больше по тяжелым видам.

«РПГ», «СПГ», крупнокалиберный пулемет, «АГС».

– Ясно. А этот?

– Он – Шпиц. Так и зовут. ВУС тот же.

Ясно...

– Еще вопросы?

...

– Давайте, давайте...

– Чо, ему жен не хватает, он к проституткам ходит?

– Ну вот у него и спросишь. Так, если нет вопросов, оружие подготовить к транспортировке. Уходим.

Я беру координаты острова по GPS – лишним не будет.

Стокгольм, Швеция

Улица Густава Адольфа

22 ноября 2014 года

Проклятое дерьмо...

Никак не могу привыкнуть ко всему этому. А здесь это нормально, в некоторых странах проститутки официально платят налоги, а доход от секс-индустрии включается в расчет ВВП страны.

Говорят, что и Украина хочет пойти по такому же пути – официально показать доходы от проституции и стать гей-центром СНГ. Что же, счастья им...

А пока наш микроавтобус катится по вечернему Стокгольму, я слежу за передвижением синей метки по карте Гугл. Теперь для того, чтобы поставить вполне качественную слежку, не надо быть полицией или спецслужбой, это вполне доступно частному лицу. Быстро темнеет, за рулем Трактор – он не знает Стокгольма, но я не могу одновременно вести и следить, поэтому он за рулем, а я подсказываю, как проехать и куда свернуть. Пока все идет штатно, и цель идет туда, куда нам и надо.

«Жучок» я прицепил утром. Это не шпионское оборудование, а вполне себе обычное, стоит недорого, приобрести можно в любом порту. Стоит копейки, грузовладельцы при-

обретают себе большими партиями и лепят на контейнеры, чтобы в реальном режиме времени отслеживать логистику. Хотя на другом конце земного шара, хоть в Стокгольме – «жучку» без разницы. Мне тоже без разницы.

Лошадь стоит посреди борозды. Ей до звезды... а мне тем более до звезды.

Вообще, неплохо устроился этот урод. Очень неплохо. Хотя и не купил себе «Мерседес», но раскатывает на новенькой «Вольво». Я знаю, по меньшей мере, три объекта недвижимости в этом городе, которые он приобрел в собственность. Часть за счет собственных нетрудовых доходов, часть – за счет средств, которые государство выплачивает его жёнам.

Вот чего я не могу никак понять – почему шведы такие терпилы. Вроде же раньше нормальный народ был, с нами воевали, Речь Посполитую на тот свет отправили. А сейчас... Какого хрена они принимают толпы всех этих афганских и сомалийских беженцев? Если им нужны люди, почему бы четко не задать границы? Принимали бы украинцев, белорусов, русских... Желающие нашлись бы, и пусть эта была та же самая халява, но от таких мигрантов хоть какой-то толк есть. Да даже от таджиков и узбеков толк есть, в конце концов, они от одного корня с нами, раньше в одной стране жили, в одних школах учились! По крайней мере, есть какое-то понимание, что надо чем-то заниматься и нет такой... наглости... нет, не знаю даже, как это называть, слово «наглость»

тут не подходит. Мы вас ненавидим, а вы нам должны. Вот как это. Те, кто сюда приезжает, не испытывают по отношению к шведам ни капли благодарности. Напротив, они ведут себя как хозяева здесь. Вот и этот... Вот что с ним делать? И почему я должен выполнять роль санитара леса, кто-то может объяснить?

Ладно. Приехали.

– Он остановился. Ищи парковку.

Припарковаться удастся быстро, что для такого города, как Стокгольм, удивительно. Тем более если у вас такая громоздкая машина, как «Транспортер». Втискиваемся между «Вольво» и каким-то «Рено».

– Так, общая информация. Ходим, смотрим на баб. Ни во что не влезает. Связь – по мобильникам. Мой позывной – «Первый». Хоп?

– Хоп.

– Выходим по одному. Равнение на меня, в кучу не сбиваться. Пошли.

Выбираемся. Двое с автоматами – в рюкзаках, но тут это нормально, здесь полно туристов. У меня и у двоих других пистолеты под курткой. Для связи – мобильные телефоны, обычные смарты «Самсунг», в которые я поставил эмуляторы рации «Зелло». Это доступная программа, такие телефоны широко использовались во время «арабской весны» и на Украине...

Короче, Аллаху акбар.

Людей много – это оживленный район, по вечерам Стокгольм веселится. Я веду группу в направлении, которое указывает мне замершая синяя стрелка на планшетнике. Людей с планшетниками тут тоже полно.

Совсем стемнело. Везде горят огни – обычные и красные, отмечающие места, где можно недорого купить секс. Дамы в витринах в купальниках – совсем голыми нельзя, а то были бы и голыми. Туристы фотографируют, клиенты ходят, смотрят искоса – открыто в основном стесняются...

Так, а вот и стоянка...

– Ко мне.

Вот и его «Вольво S80» бело-лунного цвета. Довольно новая – в Швеции полно старых машин, потому что налоги. Но этот налоги не платит, потому что нигде не работает и может покупать не стесняясь.

– Кто у нас тут разведчик-снайпер?

– Я.

– Тусишь здесь. Не выпускаешь машину из вида, понял?

– Есть.

– Сообщишь нам, как только он появится.

– Есть.

– Остальные за мной!

Пирата выцепил именно я... Впрочем, так и должно было быть, наверное, потому что я лучше знал улицу и примерно понимал, куда эта тварь намылилась пойти. Конечно же, в лучшее и самое дорогое место, а куда же еще. Те, кто вырос

в нищете, в хижине с земляным полом, всегда доказывают самим себе, что они могут. Не знают удержу в тратах. Шведы ведут себя по-другому. Например, владелец ИКЕА ездил в старой «Вольво-245», недавно, говорят, купил «восьмидесятку», такую же, как у этого фрукта. Подержанную.

А так – я расставил всех моих по улице, примерно на равном удалении друг от друга. У каждого из нас в телефоне была фотка этого типа. Я его снял этим утром, причем именно в той одежде, в которой он и будет сегодня. Да и немного тут чернокожих... Нормально, выследим.

Хабиб Фарах Ахмед появился из дверей самого дорогого тут заведения, настолько дорогого, что вместо полуголых шлюх у него в витрине картины были, довольный сам собой. Расслабленно осмотрелся, посмотрел на часы и почапал к машине.

Да, он.

– «Первый» – всем. Вижу объект, подтягивайтесь. Ориентируйтесь на меня.

Сам пошел следом. Спина негра-пирата, обтянутая дорогим пиджаком, была справа от меня в нескольких шагах. Я начал перемещаться...

Увидел Карлика... и тут понял, что и Ахмед, похоже, его увидел. Дернулся, развернулся, собираясь бежать...

И нарвался на меня. Он был довольным собой и жизнью африканцем, весящим, по меньшей мере, на сорок килограммов больше меня, и драться я с ним не собирался. Вме-

сто этого я применил резервный план – в два шага сблизился и выбросил вперед руку с шокером. Коротко треснул разряд, глаза пирата едва не вывалились из орбит, но разряда хватило – он начал валиться на меня, и я едва успел подхватить. От него омерзительно пахло потом, бабой и смесью женских духов и дорогого одеколona.

Вот же...

Хреново то, что мы не довели его до стоянки – нам еще метров сто идти, и не дай бог, появится полицейский наряд...

– Наручники...

Хорошо, что Карлик понял с полуслова – сноровисто вытащил белую полоску пластика и с хрустом затянул.

– Держи его... б...

Негр весил намного больше сотки. Подскочил Трактор и поддержал его... но надо было что-то придумать... и прямо сейчас.

Придумаем. Суслик, с. а, хитрый...

– Трактор... держи...

Стараясь не засветить пистолет, передаю его Трактору. Если возьмут, то пусть возьмут меня, оружия у меня быть не должно.

– Черт... я пойду вперед... дистанция двадцать.

– Есть.

Оружия у меня больше нет – ускоряюсь. Новый план такой: я единственный знаю язык и у меня нормальные, пол-

ностью легальные документы. Я иду вперед и, если увижу полицейский патруль, устрою какой-нибудь скандал, чтобы отвлечь их внимание. Все, что мне грозит, – это беседа с полицейскими или ночь в участке. Но это ничто по сравнению с тем, что будет, если в центре Стокгольма поймут русских. С автоматами...

– Студент! Студент, б...

– Студент на связи...

– Посмотри по сторонам. Полицейских нет?

– Что?

– Полицейских, б...

– А... нет.

– Води жалом. Увидишь полицейских – сообщи.

Иду вперед. Нервы на пределе. Впереди мигает неисправный фонарь, туристы фотографируют пиршество продажной любви...

Ага, есть. Они.

– Трактор, на связь!

– На связи.

– Расстояние.

– Тридцать.

– Полиция. Давай отсчет.

– ...двадцать пять...

Полицейских – двое. Один, кажется, женщина. Интересно, ей тут работать... ничего так, нормально?

– ...двадцать...

Машины нет. Но есть рации. Стокгольмская полиция работать умеет. Город перекрывают за пять-семь минут.

– Пятнадцать!

– Эй! Полиция! Полиция!

Спешу навстречу. Полицейские заметили меня, и теперь все внимание – на меня. Один немного отступает.

– Прошу прощения!

– Да, чем мы можем помочь?

– Меня только что пытались ограбить! Только что пытались ограбить!

– Успокойтесь, сэр. Вас пытались ограбить?

– Да! Да!

– Где именно это произошло?

– Я... не понимаю...

Надо выиграть время. Хоть немного.

– Простите, сэр. Где вас пытались ограбить?

– Вообще-то они ничего не украли... просто пытались. Их было трое. У одного был нож...

Краем глаза замечаю, как по другой стороне улицы протаскивают вырубленного Хабиба Фараха Ахмеда...

– Вон там?

– Там, сэр.

– В той стороне улицы?

– Да. Да. Их было трое.

Один из полицейских начинает говорить по рации.

– Успокойтесь, сэр. Не могли бы вы описать, как они вы-

глядели?

– Трое. Черные.

– Черные, сэр?

– То есть не черные... Как бы это сказать? Как цыгане. Черные волосы, кожаные куртки, невысокие. У одного был нож!

– Нож, сэр?!

Описание, которое я даю, в равной степени подходит албанцам, румынам, цыганам. С тех пор как в Европе исчезли границы, их тут полно, и большая часть насильственных преступлений совершается именно ими. Для полицейских в этом деле нет совершенно ничего необычного, они сталкиваются с таким несколько раз на дню...

– Успокойтесь, сэр. Давайте попробуем составить их описание. У них были какие-то приметы...

– Приметы?

– Ну, приметы. Что-то, по чему мы сможем их опознать.

– Ах да, понимаю! У одного была яркая куртка. Оранжевая.

– Оранжевая, сэр.

– Да, оранжевая. Как телефон.

– Да, мы понимаем.

Второй полицейский снова начинает говорить в рацию. Яркая куртка – отличная примета, теперь все полицейские будут сориентированы на нее, и это значит, что на все остальное у них будет меньше времени.

Общение с полицейскими у меня заняло чуть менее получаса. Я сослался на занятость, они вручили мне визитную карточку, я им оставил один из своих телефонов, и договорились, что я на днях загляну в участок, чтобы оставить формальное заявление. То, что они будут искать, – я не сомневался, это Швеция. Возможно, даже и найдут кого-то: всяких гоп-стопников полно, равно как и ярких курток – их тут покупают, чтобы ночью было заметнее на дороге, и еще такие куртки носят моряки. Найдут – им же лучше: не может быть, чтобы албанцы и цыгане не были в чем-то тут виноваты.

Наконец, расставшись с полицейскими почти что друзьями (тут не Россия), я пошел к машинам. Жаль мне их: при всех наших проблемах с русскими полицейскими, у них есть здоровый скептицизм, и он помогает. Тут принято верить на слово.

Машина стояла там, где и должна была. Я просто подошел и постучал – открылась дверь, и меня впустили.

– Ну?

– Норма.

– Все на месте?

– Так точно.

Я включил фонарик в телефоне, посмотрел на нашего пленника. Его уже упаковали по полной программе, заткнули рот и закрыли глаза.

– Не сиди на нем. Задохнется.

– Есть, – неохотно сказал Трактор.

– Поехали...

Остальное было штатно. Мы приехали в порт и перетащили нашего пленника на лодку. Камер наблюдения в нашу сторону не было, я днем проверял. Малым ходом вышли в море, ни полицейских катеров, ни армейских не было. Я слушал полицейскую частоту – все было чисто. Все – ОК.

Вот так вот. Суслик, с...а, хитрый...

Остров мы нашли, едва не пробив днище. Подходил немного с другой стороны, а тут дно коварно. Темнотища... Оно и понятно – ночь, Стокгольма не видать, и света от него нет, луны тоже нет. Только удар под ногами. Сидевший на носу Студент выругался. Я сразу заглушил движок.

– Пробили?

Морпехи ощупали, как смогли, дно.

– Немного течет...

– Так, там шест справа должен был быть.

Ничего страшного – на берегу наложим заплатку. Должно же что-то пойти не так, верно?

– Ты куда?

– К берегу подведу.

– Охренел? Сначала шестом пробуй глубину!

– Есть.

Берега тут коварные.

Общими усилиями нам удалось подвести лодку впрямую к берегу, а потом и вытащить ее. Включив фонарик, я осветил... Немного есть, но немного. Тут ремонтный набор: кевларовая ткань и клей. Наложим заплатку посветлу.

– Так, Студент – охранение, Трактор – тащишь его.

– Есть. Есть.

– Карлик и ты... Как тебя?

– Шпиц.

– Соберите тут по берегу коряг посуше и двигайте за нами.

– Есть. Есть.

Место, которое мы присмотрели для допроса, образовалось после того, как рухнула здоровенная сосна, оставив наполненный желтым песком кратер. С сосны мы тоже наложили сухих сучьев и настрогали щепы, после чего замутили отличный костер, и еще до утра растопки хватит. Притащили любвеобильного негра-пирата, привязали руками за хороший сучок – так он сидел спиной к сосне. Штаны у него уже были мокрые.

– Балаклавы надеть, – шепотом сказал я, – и материтесь погромче. Мы – русская мафия.

Пару слов надо сказать о русской мафии. Несмотря на страшные рассказы про нее, место в местном криминальном сообществе у нее небольшое... если брать во внимание только русских мафиози, а не тех, кто разговаривает на рус-

ском, например чеченское, узбекское или дагестанское криминальные землячества. Я-то знаю, не раз на русских тут работал как частный детектив. Русские мафиози здесь занимаются либо отмыванием денег, либо это удалившиеся на покой серьезные криминальные авторитеты – они тут пытаются вести праведный образ жизни и надеются, что за ними не придут. Обычное дело русского авторитета – купить бар или стрип-клуб с б. . . . Никакого сравнения с теми же албанскими дилерами, которые давно вытеснили из наркоторговли итальянцев. Здесь, в Скандинавии, они занимали сто процентов рынка, потому что у них было убежище – Косово, где не действовали никакие законы, и потому что в свое время жалостливые скандинавы пустили к себе беженцев из Косово, бежавших от сербской армии. С албанцами не смогли справиться даже чеченцы: потеряв в серии разборок более ста человек, они отступили южнее, в Польшу и Восточную Германию. Албанцы так же поддерживали кровную месть и так же сначала делали, а потом думали.

– Э... Э!

Я присел на корточки и стал хлестать пирата по щекам. Тот находился в состоянии грогги – как боксер, пропустивший удар.

– Э!

Пришлось снять и повязку с глаз. Глаза пирата лезли из орбит, он явно размяк на шведских-то харчах и не ожидал сопротивления.

– Просыпайся, дядя.

Ни слова на сомалике, языке сомалийцев, я не знал. Поэтому я снял с огня закипавший котелок и полил кипятком рядом с ногой негра. Немного попало на ногу, он заорал.

– Вот и отлично, голос прорезался, – сказал я, показав жестом, чтобы долили воды в котелок. – По-английски понимаешь?

– Да... да...

– Чая хочешь? – Я показал на костер.

Негр затрясся от страха.

– Вот и отлично, – сообщил я ему. – С тебя «лимон». Понимаешь, да? Один миллион евро.

– Что?

– «Лимон» евро, б... За беспокойство. Ферштейн?

Лучше всего начинать с наезда. Поверьте – действует.

– Соображай! Я тебе предъяву кидаю на «лимон», а ты не спрашиваешь за что?

– За... что?

– Ты зачем наш корабль угнал, п...р? Ты хоть знаешь, чей это корабль? Да ты за него до конца жизни отрабатывать будешь!

– Корабль...

– Давай, шевели мозгами! – Я влепил пощечину. – «Сирена», порт отправки Клайпеда, порт назначения – Ларнака. Твой стебанутый братец его угнал и требует пять «лимонов». Ты хоть знаешь, чей там груз?! Тебя за него живым закопа-

ЮТ...

– Я... Мне...

– Чего мычишь, козлина?! Чего ты там вякнул? Где мой «лимон»?!

– Мне...

Если честно, мне не очень нравилось то, что я видел. То, что он серый, – это нормально, негры от страха сереют. Но то, что он так дышит, мне не нравилось...

Я оглянулся:

– Что это с ним?

Парень, который представился Студентом, подошел, проверил пульс. Выругался матом, начал доставать аптечку...

Рассвело.

Негру стало немного получше, наш «типа врач» определил у него предынфарктное состояние. Это хреново... Мы на него особо и не давили – а его уже кондратий хватил... Это нехорошо. Медкарту его не проверял... урок на будущее. Хорошо, что у нас было сразу две аптечки – армейская и яхтсмена, на лодке. В аптечке яхтсмена мы нашли сердечное. Сейчас негр сидел у костра, под присмотром Трактора и Студента, и пил горячий чай.

А у меня зазвонил телефон. Кто говорит? Слон, б...

Кстати, это на самом деле так. У Жеки – мы так его называли – погоняло в армии было Слон. Кстати, стремное погоняло, переводится как Солдат, Любящий Огромные Нагруз-

ки. Так обычно называют тех, кто не смог завоевать авторитет среди сослуживцев.

Я отошел в сторону. Тянуло дымком, в ветвях сосен шелестел заблудившийся утренний ветер.

– На связи.

– Почему не отзвонил?

Я посмотрел на часы. Да, точно. Косяк.

– Косяк. Прости, братишка.

– Что там у вас? Груз взяли?

– Взяли. Чисто.

– И?

– Пока не раскаялся. Чуть кондратий его не хватил, сейчас чаем отпаиваем.

Жека помолчал.

– Короче, Склифосовский. Тут надо мной полтора десятка начальников. И всем нужен результат.

– Я понял. Сегодня будет.

– Точно?

– Точно.

Вот интересно, это кабинет делает людей такими придурками? Ни разу не видел начальника, который не был бы придурком. В данной конкретной ситуации как можно что-то гарантировать? Ну навалюсь я на него со всей дури, его уже по-настоящему кондратий хватит – и дальше что?

А не ипет. Их дело начальничье – получить заверение, что все будет сделано. Делать-то не им.

Козлы!

– Короче, если он сегодня не заговорит – мы решаем сами.

Времени больше нет.

– Я понял.

В трубке зазвучали гудки.

Средиземное море Корабельная группировка Российского флота, эсминец «Адмирал Ушаков» 23 ноября 2014 года

– Так точно, товарищ адмирал... Есть...

...

– Понял. Есть...

Капитан первого ранга Мельник⁴ отдал гарнитуру связи, посмотрел на стоящих по другую сторону стола людей:

– Изменений нет.

– Твою мать... – выругался кап-два Берников, невысокий лысоватый крепыш. – Какого хрена тянем?

Кап-два, или капитан второго ранга, был невысоким, но крепким, как будто сделанным из пружинной стали. Как и все его люди, он был выбрит наголо – так проще с аквалангом, лучше прилегает к голове. На флоте он имел прозвище Кот. Это сокращенное от Котовский – прозвище дали еще в учебке, из-за залетов.

– Что-то ты разговорчивый для водолаза, – сказал Мель-

⁴ На момент написания произведения кораблем командовал капитан первого ранга Гладкий Олег Анатольевич.

ник.

– Да задолбали! Да – да, нет – нет. Вчера у снайперов два хороших окна было. Сказали бы уж прямо: ссут.

– Ссут? – сказал Мельник. – Я бы тоже ссал с авианосцем в пятидесяти милях от нас.

Это и в самом деле было так. Одна из ударных группировок ВМФ США во главе с авианосцем «Гарри С. Трумэн» находилась в пятидесяти морских милях от них юго-восточнее. И что самое плохое – расстояние это сокращалось: «Сирена» шла самым малым, но шла, и они должны были пройти всего в тридцати милях от американской авианосной группы.

Американцы знают о захвате «Сирены»? Не знают? А если знают – то как себя поведут? Облеты уже были, и не раз. А что, если все эти басни о выкупе – фuffло? Что, если на борту не пираты, а террористы, и они собираются совершить теракт? На судне – тысячи тонн взрывоопасного груза. Рванет – мама дома услышит.

– Так, еще раз. Прогоняем сначала. Где свежие данные облета?

Один из офицеров штаба положил на стол пачку только что распечатанных на цветном принтере свежих снимков с беспилотника. Над ними уже поработали, отметили наиболее опасные цели.

– Итак. Посты наблюдения – нос, корма и вот здесь – самая высокая точка. Вот здесь – крупнокалиберный пулемет «Утес», видимо, их основное огневое средство... Б..., отку-

да у пиратов «Утес»?

– Может, взломали контейнер? – предположил Берников.

– Судя по грузовому манифесту, там только боеприпасы...

Вообще... странный был этот захват. Капитан с его кораблем участвовал в антипиратских миссиях у берегов Сомали, потому знал о пиратах не понаслышке. Корабль захватили, почитай, в центре Средиземного моря – это неслыханный беспредел, если так пойдет и дальше, скоро в портах начнут орудовать. Захват прошел с первого раза, никто не пришел на помощь, хотя недалеко были французы. И как здесь оказались сомалийцы? Главарь уже установлен – он особо и не скрывался – Али Абдалла Ахмед. Опытный, хорошо известный главарь пиратов, за ним уже есть несколько громких захватов. Но как он и его банда оказались в Средиземном море? Из Ливии? Может, конечно, быть и такое – в Ливии сейчас полный беспредел творится. Получается, сомалийцы начали в Средиземном море орудовать? У своих берегов их к ногтю прижали – начали от чужих работать. Но как он вышел на нужное судно в открытом море? Не может быть, чтобы такой опытный главарь, как Ахмед, захватил первое попавшееся. И самое главное – откуда у них крупнокалиберный пулемет? Ни разу за все время антипиратских миссий – а они там работали вместе и с норвежцами, и с датчанами, и с французами, и с американцами – он не слышал, чтобы у пиратов был крупнокалиберный пулемет. Он пиратам про-

сто не нужен: если пираты захватили судно, спецназ уже не рискует высаживаться, и судно спокойно следует в один из пиратских портов-отстойников на побережье. Пулемет стоит дорого, патроны к нему еще дороже – тем более такой современный, как «Утес». Пулемет со станком и боекомплектom весит как два человека, его нельзя поместить в «чайку»⁵ – она может просто перевернуться, стрелять из него с «чайки» тоже нельзя. При подъеме на борт пулемет может упасть за борт, точно так же, если «чайка» перевернется, он пойдет ко дну, при том, что за него немалые деньги заплачены. Брать с собой на дело крупнокалиберный пулемет – безумие, пираты это понимали и никогда не брали.

Тогда почему же Али Абдалла Ахмед взял?

– То-то там правду напишут.

– Отставить! Итак.

– Имеем три потенциальные огневые точки плюс до двадцати пиратов в трюме и надстройках. Рубка и машинное захвачены. Первая стадия операции – два моих рыба⁶, связанных по носам стальным канатом длиной примерно в сто метров, выстраиваются по пути следования сухогруза, глушат движки. Сухогруз цепляет канат носом, нас прибивает к его бортам. По сигналу, поданному по закрытому каналу связи, эсминец быстро сближается с сухогрузом на два-три кабельтовых. На вертолетной площадке и по левому борту сажа-

⁵ Длинная узкая скоростная лодка, используемая пиратами.

⁶ RHIB, – лодка с жестким днищем.

ем двух снайперов и устанавливаем два крупнокалиберных пулемета с ночными прицелами. Снайперы, а при необходимости и пулеметы, гасят огневые точки, после чего штурмовые группы поднимаются на борт и начинают зачистку судна. Снайперы прекращают огонь в тот момент, когда первый мой боец оказывается на палубе. Для поддержки поднимаем вертолет, на нем снайпер и резервная группа восемь человек...

– Хассан...

Невысокий человек в грязной футболке с надписью «Нью-Йорк Никс» и коротких грубых штанах обернулся. На него смотрел Салад, самый молодой из всех.

– Ты чего тут делаешь?

– Немного отлил, брат. А что?

– Тебя амир ищет.

– Не знаешь зачем?

– Он телефон достал. Переводить, наверное, надо.

– Ладно. Иду.

Салад с подозрением посмотрел на контейнеры. Потом поправил висящий на груди новенький «АКМС», которым очень гордился, и продолжил обход, ступая по раскаленным от солнца листам палубы. Это не беспокоило его – он с детства ходил босиком, и его пятки выдержали бы и стояние на гвоздях. Ему тоже дали новые ботинки, но он оставил их на берегу. На судне с голыми ногами привычнее – ботинки он

прибережет для сватовства. Когда он появится в деревне в новеньких ботинках и с тридцатью тысячами амрикай, родители Далиды точно не смогут ему отказать...

Ботинки были новые. Автомат тоже был новый. До этого дела у него был китайский, сильно ржавый, а теперь ему и всем остальным дали новенькие, болгарские, с цевьем из приятного для пальцев черным пластиком. Он выглядел не менее круто, чем новенькая машина, – и Салад представил, как он будет показывать свое оружие в деревне. Вот все обзавидуются...

Ему сказали, что автомат он может оставить себе, как все закончится.

Интересно, что делать с деньгами после того, как он их получит? Как правильно поступить? Они уже говорили об этом. Кто-то говорил, что правильно купить новую машину... Но они дураки, машина денег не приносит, только пожирает – бензин-то стоит чего-то. Но Шариф дурак, чего его слушать. Махмуд поумнее – сказал, что купит подержанный автобус, как раньше был у отца, будет возить людей и зарабатывать денежки. Наверное, это поумнее, чем купить машину, но не слишком. Шариф рассказывал, как отец потерял свой автобус – он взорвался и сгорел, когда были какие-то разборки. Почему бы Шарифу точно так же не потерять и этот автобус?

Нет, вкладывать деньги в Сомали – не лучшая идея.

Саид и Мухаммед сказали, что они переселятся подаль-

ше от побережья, купят скот и будут его пасти. Наверное, это разумно – мясо всегда будет в цене. Хассан говорил, что все они дураки – надо потратить деньги на то, чтобы купить статус беженца и вид на жительство в какой-нибудь стране на севере, в такой, где вместо жары – холод, а люди радуются солнцу, потому что оно нечасто их навещает. Хассан сказал, что там все кяфиры, но есть и настоящие правоверные, а если ты получил бумагу, то государство по ней будет давать тебе деньги просто так. Они не поверили – никто не даст деньги просто так, но Хассан поклялся Аллахом, что это так и есть. Он говорил, что брать деньги неверных и ничего не делать – это тоже джихад, потому что так мы ослабляем неверных, но Салад в этом сомневался. Какой-то это странный джихад – брать деньги и ничего не делать. Вряд ли Аллах Всевышний хотел бы, чтобы правоверные брали деньги у кяфиров и ничего не делали, вряд ли это достойный жизненный путь для правоверного. И как жить в таком глупом государстве, в котором деньги дают просто так?

Может быть, Далида захочет там жить? Наверное, она захочет, но будет ли она подчиняться ему как мужу? И, наверное, надо будет найти какую-то работу и работать. Иначе Далида не будет его уважать... Как уважать человека, который ничего не делает?

Все сложно. Хассан, который и подписал их на дело, уехал к кяфирам и стал каким-то другим – он раньше жил так же, как они, а теперь он чужой и говорит странно. И без ботинок

ходить не может.

– Салад!

Он увидел Мухаммеда и подошел поближе. Мухаммеда мать воспитывала без отца, и потому он был известным сплетником.

– Чего тебе?

Мухаммед сделал многозначительное лицо:

– Амиру брат звонит.

– И что?

– Говорит, чтобы мы уходили с судна. Амир сильно ругался. Говорил, что должен нам заплатить. Сильно ругался.

– Ты точно знаешь?

– Да, точно...

Мухаммед пошел дальше, а Салад приуныл. Если получили выкуп, то обязательно заплатят. Если амир получил выкуп и не заплатил своим людям, что обещал, об этом тут же станет известно по всему побережью и больше с ним на дело никто не пойдет. А вот если выкуп не получен, что-то сорвалось – тогда всякое может быть. Некоторые амиры платили половину, понимая, что завтра им опять набирать команду. Некоторые не платили ничего.

А если автомат отберут?

Швеция, остров

23 ноября 2014 года

– ...Брат, ты меня не понимаешь. Ты сказал, что дело это верняк, и я пошел, так? Я привел сюда людей, пообещал им деньги. Я засветился перед американцами... а это совсем нехорошо, брат. Совсем нехорошо, за это могут и голову отрезать. А теперь ты говоришь, что все переменялось и надо убираться с судна? Так дела не делаются. Нет, так дела не делаются...

Хабиб Фарах Ахмед затравленно посмотрел на меня.

– Скажи, что заплатишь из своих, – прошипел я.

Хабиб Фарах Ахмед посмотрел на меня... на автомат, на который я опирался... страх победил жадность.

– Я заплачу, брат! Заплачу тебе и твоим людям!

Эфир спутниковой связи донес сухой смешок:

– Американцы передумали?

– Какая тебе разница?! – взорвался Хабиб Фарах Ахмед, уже без моих подсказок. – делай, что я говорю! И не болтай лишнего!

– Ты точно заплатишь?

– Заплачу!

Я кивнул.

– Делай, что говорят!

– Хорошо, но у меня тут русский корабль рядом. И что с ним делать?

Хабиб Фарах Ахмед посмотрел на меня.

– Пусть уходит, – сказал я, – русские не будут стрелять.

– Уходи! Русские не будут стрелять!

– Ты уверен, брат? Точно уверен?

Хабиб Фарах Ахмед снова посмотрел на меня.

– Им нужен корабль, а не ты. Они не будут стрелять.

– Им нужен корабль, а не ты. Они не будут стрелять!

– Клянешься Аллахом?

– Клянусь! Не забывай, если бы не я...

– Ладно, ладно, брат. Мы уходим. Не забывай, ты обещал заплатить.

– Я заплачу! Делай, что говорю!

Связь оборвалась.

Я достал свой спутниковый, набрал номер Жеки.

– Слушаю.

– Мы договорились. Точка наша.

– Ты уверен?

– Да. Проверь и отзвони.

– Добро.

Связь отключилась. Я осмотрелся: двое морпехов были неподалеку, еще двое спали, положив под себя лапник и прогретый костром песок. Все правильно – сейчас они не нужны, а спать надо. Если дальше будут проблемы, то надо быть в форме.

Я вернулся к Хабибу Фараху Ахмеду. Тот испуганно посмотрел на меня... какая все-таки мразь эти пираты! Со слабыми они совсем по-другому себя ведут.

– Он уйдет с судна?

– Да...

– Точно?

– Да!

Я кивнул, по-свойски уселся рядом.

– Ну, а теперь расскажи мне, друг, про американцев. Это ведь они наняли тебя захватить корабль, верно?

– Внимание, началось движение на палубе! Началось движение!

Капитан Мельник подошел ближе к окну рубки, поднес к глазам бинокль. Кот вышел из рубки... у него был наблюдательный пост рядом, у второго номера снайпера была шестидесятикратная труба, в которую видно было намного лучше.

На палубе было видно столпотворение... Пираты были везде, их количество резко выросло, не было понятно, что они делают...

– Дай...

Кот встал на колено, приложился к подозрительной трубе. Увидел палубу, крашенные белым и красным надстройки... ага, а вон, кажется, и главный среди пиратов. Стоит на внешней лестнице, ведущей из рубки, и толкает речугу. Как Ленин.

– Возможная цель, – пробормотал Кот, – синяя ветровка, на лестнице. Предположительно главарь.

– Вижу, – подтвердил снайпер. Он стоял на коленях, на подстеленном бушлате и целился из винтовки «SAKO 338 LM», которую получили в отряд недавно.

...

– Дистанция?

– Тысяча триста двадцать. На пределе.

– Ветер пять влево, – сказал второй номер, замеряющий Кестралем параметры окружающей среды. – Давление – семьсот шестьдесят. Влажность – девяносто восемь. Волнения нет, платформа стабильна.

По идее, может сработать, хотя и на пределе. Если сейчас одновременно открыть огонь всем снайперам и одновременно из обоих уже установленных и готовых к бою пулеметов, может и сработать. Не всех, но большую часть накроем.

– Кот – рубке!

– На приеме!

– Наблюдаю до двадцати целей, с оружием. Дистанция – тысяча триста двадцать. Наблюдаю старшего. Могу убрать старшего и большинство целей, затем быстро выдвинуть группу зачистки. Прошу разрешения открыть огонь.

– Открывать огонь запрещено, повторяю – запрещено. Получено сообщение из Москвы: судно предположительно будет освобождено добровольно, повторяю – освобождено добровольно. Не стрелять, повторяю – не стрелять!

– Кот, принял, не стрелять.

– Продолжайте наблюдение, докладывайте обо всех изме-

нениях.

– Кот, принял.

Кот передал трубу обратно второму номеру, вскочил на ноги. Подскочил его напарник по кличке Хохол. Он был и его замом, и адъютантом, и всем на свете.

– Рыбы на воду, с правого борта. Штурмовым группам в лодки, в полной боевой. Держаться правого борта, ждать указаний, не высовываться.

– Есть.

– А из каких денег нам заплатят? – выкрикнул Шариф. Он был самым недоверчивым из всех. – Если мы не получим выкуп за это судно, откуда нам заплатят?!

Амир Али Абдалла, стоящий на лестнице, про себя выругался. Длинные языки надо укорачивать.

– Нам заплатит мой брат, – решил говорить правду он. – Вы знаете меня, и вы должны помнить моего брата! Разве он когда-то подводил вас? Разве я когда-то врал вам? Разве я не привел вас сюда?!

– Да, но зачем захватывать судно, а потом освобождать?! Почему не взять за него выкуп и не унижить неверных?

– Потому что я амир, а не ты, Шариф! – заорал Али Абдалла. – Это мое решение! Если хочешь, можешь сам стать амиром, и я посмотрю, кто пойдет за тобой, какие суда ты приведешь в порт и сколько за них возьмешь. Тебе ясно?

– Нам все деньги заплатят?

Проклятье! Он пристрелит его на берегу, это точно!

– Да, все! – Он чувствовал, что иначе эта братия просто не уйдет с судна. – Мой брат много денег зарабатывает в Стокгольме, он – миллионер. Он пообещал выплатить вам все, и сдержит свое слово! Клянусь Аллахом...

Но амира слушали не все. В это же самое время еще один из пиратов торопливо зашел за контейнер. Сунул пальцы в щель и с трудом вытащил мобильный телефон. Ни у кого из пиратов на деле не было средств связи с берегом, кроме амира. Но у него – были. Ему сказали, что в таком-то месте между контейнерами с такими-то номерами его будет ждать мобильный телефон – и он его там ждал. Ему сказали, что если он сделает то, что от него ждут, то и ему, и всей его многочисленной семье сразу дадут американские грин-карты, бесплатно, он сможет уехать в Америку и вывезти туда всю семью. Ему сказали, что помогут устроиться таксистом и возить людей в Нью-Йорке. И он не видел причины не доверять тому, кто это сказал, потому что это был его соплеменник, который уже имел дело с американцами. Его звали Хассан, его вывезли американцы много лет назад и он отлично жил на Западе многие годы...

Он достал телефон и набрал номер.

– Слушаю! – отозвался голос.

– Это Махмуд, – торопливо сказал пират, назвав свой псевдоним. – Мы уходим с судна.

– Почему?

– Амир так сказал. Он говорит, его брат приказал уходить, он всем заплатит, как если бы получили выкуп.

Телефон несколько секунд молчал.

– Хорошо. Уходите со всеми.

– А мне дадут грин-карту?

– Да, договоренность в силе.

– Хорошо.

Пират сунул телефон в карман.

– Кот – рубке.

– На приеме.

– Движение на палубе. Пираты спускаются в лодки.

– Понял. Тоже это вижу...

– Рубка, мои действия?

– Не стрелять. Готовить досмотровую группу.

– Понял...

Кот сплюнул на палубу (в море нельзя), растер ботинком. Набросил на себя бронежилет с положительной плавучестью – они только недавно начали поступать на снабжение, проверил закрепленные подсумки. Два сдвоенных подсумка для «АК» – пяти магазинов, считая тот, что кормит автомат, достаточно. Гранатные подсумки со светошумовыми – в abordажном бою очень полезная штука, чуть ниже – пластиковая заказная кобура со «стечкиным». При abordаже пистолет обязателен.

– Равняйся!

Короткий строй мгновенно выполняет приказ.

– Смирно!

Пятнадцать человек, он шестнадцатый. По восемь на риб – достаточно. Два пулемета, у остальных автоматы – обычные и бесшумные.

– Вольно! Обстановка следующая: предположительно пираты покинули судно добровольно. Это не значит, что они не оставили там сюрпризов.

Капитан выдерживает паузу, чтобы было внушительнее.

– Боевая задача – высадиться на борт «Сирены» с рибов, зачистить судно, обыскать его, освободить экипаж, взять судно под контроль и сопроводить его до порта назначения. Принять во внимание...

Капитан снова выдерживает паузу.

– Принять во внимание: на судне находится три тысячи тонн боеприпасов, взрывчатые вещества. Потому левые магазины примкнуть, стрелять только в крайнем случае, и смотрите, куда стреляете. Действуйте ножами. Вопросы?

Левые магазины – это магазины, где находятся левые патроны. То есть купленные за свои деньги охотничьи. В отличие от стандартных армейских, они не шьют навывлет, а раскрываются, оставляя тяжелейшие ранения, влекущие почти гарантированную смерть даже при ранении конечностей. Они покупали эти патроны за свои деньги, их применение было запрещено какими-то там конвенциями, но на Кавказе не до конвенций, на Кавказе попадешь в плен – снимут

кожу заживо. Капитан вместе со своими людьми имел боевой опыт на Кавказе – пусть он и был подводным диверсантом, но все российские спецназы проходили через командировки в обязательном порядке. Использовать охотничьи патроны его научил командир одного из ОМОНов, действия которых они обеспечивали. Такие патроны он набивал в рожок вперемежку со штатными, один на один. Этот же командир, сам срочником горевший в Грозном и давно все для себя решивший, научил, что говорить, если попадешься с такими патронами при осмотре личного оружия. Трофеи, изъяли у чехов. Обычно отставали – раз чехи таким пользуются, то и нам можно. А здесь у каждого бойца было по два магазина, полностью набитых запрещенными патронами, – при освобождении заложников нужно мгновенное поражение террориста, а охотничья пуля с мягкой головкой имеет меньше шансов пробить контейнер и попасть в ящик с боеприпасами и взрывчаткой.

– Что с пулеметом?

– Сом, займешься?

– Есть.

– Еще вопросы?

...

– В лодки!

Пираты понуро спускались в свои «чайки», занимали свои места. Пулемет бросили прямо там, на судне. Амир сказал

бросить – и они бросили. Салад не понимал, зачем его вообще сюда притащили, если честно, раньше у них никогда такого не было. Но если теперь он у них есть – зачем они его бросили? Почему бы не вывезти его и не продать на базаре? Наверное, за такой пулемет тысяч пять амрикай дадут, а то и больше.

Впрочем, его спрашивать не будут. Хорошо, что деньги заплатят. Но все равно неприятно, что они не взяли выкуп.

– Пошли! – замахал Али Абдалла на головной «чайке».

«Чайки» – скоростные алюминиевые лодки, чья форма была скопирована с лодок казаков, ходивших по Черному морю, – одна за другой отваливали от борта сухогруза «Сирена», едва не черпая воду. Они были перегружены – Али Абдалла приказал погрузить продовольствие, пресную воду и разрешил взять на корабле все, что понравится. Они даже ботинки у матросов забрали. А что? Ботинки – хороший товар в любой части Африки, на базаре их только так отхватят. Небольшие деньги – но деньги...

– Кот – рубке.

– На приеме.

– Досмотровая группа в рибках. Готовы действовать.

– «Чайки» отошли от сухогруза, в них пираты. Запрещаю действовать, пока не потеряем визуальный контакт с «чайками». Москва приказала не провоцировать.

Кот сплюнул на днище скоростной лодки.

– Вас понял.

В рубке капитан Мельник опустил бинокль, сверился с компасом.

– Эти придурки идут прямо по направлению к американцам, – сказал он, – курсом точно на них.

– Может, они «Трумэна» захватят? – сострил кто-то.

– А что? Интересно, сколько за авианосец выкуп.

Капитану что-то не нравилось.

– Пускайте беспилотник, – приказал он. – Еще раз посмотрим сверху.

Пиратские «чайки» – их было четыре штуки – выстроились клином, идя неизвестно куда. Волнения не было, но тяжелогруженные лодки – низко сидели в воде, борта были почти не видны. Только головы пиратов...

– «Чайка» над целью, есть картинка!

– Внимание, есть картинка!

На экран телевизора, специально установленного в рубке как часть разведывательного комплекса корабля, дали картинку...

– Что будешь делать с деньгами?

– Не знаю, – буркнул Салад. – Аллах подскажет.

– Мне это все не нравится. Зачем мы ушли...

– Мне тоже.

Саид замолчал.

– Кто такой Хассан? Из какого он рода?

– Не знаю. Он говорил, что давно уехал, сразу после дня рейнджеров⁷. Он говорил, что его отец сражался с амрикаи и даже убил одного из них.

– Многие говорят, что убивали амрикаи. Но если его отец так сделал, зачем тогда ему уезжать из страны, а?

– Не знаю, брат. А что?

– Да ничего. Мутный он какой-то.

...

– Не стоило его с собой брать...

И тут пираты услышали рокот винтов. На горизонте показалась черная точка, она быстро приближалась...

– А это что?

Два вертолета «MH60R Seahawk», идущие на небольшой высоте по направлению к пиратским «чайкам», принадлежали к семьдесят четвертому ударному эскадрону морской авиации, перелетевшему на авианосец «Гарри С. Трумэн» для возможной поддержки миссий в Сирии и участия в спасении сбитых американских летчиков, если таковые будут. Помимо прочего, эскадрон должен был служить «силой немедленного реагирования» для решения возможных кризисных ситуаций в регионе, в частности, именно на него воз-

⁷ События осени 1992 года, когда группа американского спецназа попала в засаду в центре Могадишо; было сбито два вертолета. Погибло семнадцать американцев, более пятисот сомалийцев. События показаны в фильме «Падение Черного Ястреба».

лагались задачи по экстренной эвакуации американского посольства из Египта, если ситуация там выйдет из-под контроля.

Каждый из этих вертолетов был вооружен намного тяжелее, чем обычные вертолеты этого типа. Его вооружение включало восемь ракет типа «Хеллфайр» с автономной системой прицеливания на самом вертолете и крупнокалиберный пулемет «М3» в проеме десантного люка. В настоящее время «Хеллфайры» задействовать не планировалось, поэтому подвески с ними демонтировали, облегчив вертолет. Зато в каждом из вертолетов сидели еще один пулеметчик и снайпер – типичная команда для антипиратских миссий. Двери десантного отсека были открыты, поперек проема натянуты тросы, на которые было удобно положить цевье оружия...

Заметив цель – идущие пиратские лодки, – вертолеты разошлись: один из них отошел на позицию прикрытия, а второй поднялся еще выше и пошел кругом, открыв по пиратским лодкам шквальный пулеметный огонь...

Пираты тоже пытались открыть огонь по вертолету, но противостоять огню скорострельного авиационного пулемета калибра 12,7, еще одному пулемету и снайперскому огню «морских котиков» они не могли.

Салад успел заметить, как перед тем, как начали стрелять, Хассан встал в лодке в полный рост, размахивая майкой с надписью «Нью-Йорк Никс». Очевидно, эта майка должна

была подсказать американцам, кто в команде их агент и в кого стрелять нельзя. Но американцы стреляли во всех, и первая пуля попала в Хассана, разорвав его пополам. Салат бросился в воду... вокруг было месиво из людей... вещей... каких-то банок. Потом пуля попала и в него...

– Будешь?

Хабиб Фарах Ахмед посмотрел на пачку сигарет в моих руках.

– Настоящие... – пробормотал он.

– А какие же еще?

– У нас там настоящих было не найти.

– Нет, это настоящие...

Хабиб Фарах Ахмед вытащил сигарету. Руки я ему развязал... Смысла нет бежать. Теперь мы все в одной лодке.

– Начнем сначала? Как американцы на тебя вышли?

– Здесь... был человек. Он давно сюда приехал...

– Как его звали?

– Хассан.

– Хассан... а дальше?

– Хассан Бургиба. Он приехал сюда ребенком, его отец получил вид на жительство здесь. После девяти лет второго года. Знаешь, что тогда было?

– Падение Черного Ястреба... Смотрел фильм.

– Да. Его отец поддерживал американцев. Он погиб, они вывезли его семью.

– Да... понимаю.

– Этот Хассан... он тут всяким занимался. Подошел ко мне, сказал, что есть дело. Я сказал, что, если он еще раз ко мне придет, его труп найдут в порту. Через несколько дней ко мне пришла полиция. У меня хорошие отношения с полицией, белый... но тут мне сказали, что деньги не помогут. Нет, не помогут.

Пират затаился, закашлялся.

– Надо оказать услугу. Да... услугу.

– Какую услугу?

– Об этом мне сказали потом... – Пират посмотрел на меня: – Клянусь Аллахом, если бы я знал, что это груз русских...

– С кем ты встречался? Где? Сколько тебе заплатили?

– Встречался здесь. Кафе «Опера». Был Хассан и был еще Эрик. Лет сорок, волосы...

– Светлые.

– Да. Амрикаи.

– Что он говорил?

– Надо захватить судно. Потребовать у судовладельца пять миллионов.

– А потом что?

– Потом амрикаи освободят судно. Он сказал – амрикаи не будут стрелять. Им надо освободить судно.

– Зачем?

– Он не сказал.

– Как они попали в Средиземное море? Я имею в виду твоего брата.

Пират усмехнулся:

– Как-как. Привезли на самолете.

– Американцы?

– Что?

– Говорю, американцы привезли?

– Не знаю. Может, и они. Привезли в Ливию, сюда же перебросили и наши лодки. Сказали: будешь работать на нас – будет много денег.

– Сколько получил лично ты?

– Пока ничего не получил. Они обещали заплатить.

– И ты согласился?

– А что мне было делать, белый?

Страшная мысль пришла мне в голову. Я схватился за телефон. Набрал номер, сбивая палец... черт... ошибка... еще раз...

– Слушаю, – раздался голос Жеки, – я тебе как раз хотел звонить.

Жека был довольный как слон.

– Не поднимайтесь на борт!

– Что?

– Держитесь подальше от «Сирены»! – наплевав на конспирацию, заорал я. – Там наверняка бомба!

– Что?!

– Бомба, б...!!! Вон с «Сирены»!!!

– Товарищ капитан! Радар засек два американских вертолета. Направление...

Капитан прослужил на флоте давно и от американцев не ждал ничего хорошего.

– Штурмовой группе – срочное возвращение. Общая тревога...

Два рыба уже были на полпути к «Сирене», когда пришла команда возвращаться.

– Стоп машина! – лодки оседали на воде, теряя скорость. – рубка, вас не слышу, повторите!

– Рубка – Коту, возвращайтесь на борт! Замечены американские вертолеты, направляющиеся к «Сирене».

– Черт... понял вас... – Кот прокрутил в воздухе руку, жест, означающий возвращение.

– Кэп... – пулеметчик привлек внимание командира, показав на ухо и на направление звука. Кот прислушался, услышал частящий пулемет и, похоже, еще звук винтов. Вертолет – самый страшный враг любого боевого пловца, и любой из них мог по звуку определить направление, дальность и даже примерный тип вертолета. Конечно, на двух лодках против вертолета, даже одного, а американцы всегда ходят парами – они ничто. Тут нужны совершенно другие ресурсы...

А тут еще и пулемет.

– Возвращаемся...

Лодки пошли на самом малом, описывая дугу, и тут, когда

уже развернулись на обратный курс, они услышали хлопок. Кот повернулся на звук, успел увидеть пухнувший на палубе «Сирены» ком огня и понял – взорвался один из контейнеров.

– В воду!

«Морские котики» – неважно, русские или американские, любые – от всех неприятностей ищут спасения в воде. Кот первым сиганул в воду... жилет выталкивал его на поверхность... Он выругался. Рядом в воду прыгали подчиненные, он ощутил, как дрогнула водная масса от взрыва, через несколько секунд раздался второй. Вода уберегла их от ударной волны, потом начали падать обломки, один из них ударил по каске... Плевать, хорошо, что не по плечу. Кот увидел серую тушу риба прямо перед собой, вынырнул... Внутри уже что-то горело – видимо, горящий обломок упал в лодку, дышать было нечем, кожу драло от соленой морской воды. Хорошо, что успел нацепить очки...

– Общий сбор! – заорал Кот и закашлялся. – Туши лодку!

Стокгольм, Швеция

Ночь на 24 ноября 2014 года

– Чисто! – объявил Студент, рассматривая берег в ночной прицел.

– Причаливаем...

Хабиб Фарах Ахмед сидел в лодке, среди нас. Он кутался в одеяло и совсем не походил на бравого пирата.

О том, что его брата и всю его гоп-компанию расстреляли, он уже знал.

Лодка толкнулась носом в берег, я выскочил первый, принял канат. Зацепил за какой-то валун, помог выбраться и Хабибу Фараху Ахмеду. Снял маску – все равно видно плохо, вряд ли опознает. Но снять маску – это важный жест доверия.

– Время решать, Хабиб, – я протянул ему телефон – всегда носил при себе три-четыре чистых телефона, – кто ты, сомалиец или швед. Швед, если его бьют, насилуют, убивают, пойдет и пожалуется, примет позу эмбриона, потом будет ходить к психотерапевту, напишет книгу. Сомалиец отомстит за брата, за своих людей, за обман. Так кто ты?

Хабиб думал недолго. Протянул руку:

– Я сомалиец.

Я вложил в руку телефон.

– Как только почувствуешь неладное или тебя пригласят на встречу, позвони мне, хорошо? Или сам позвони по телефону, который дал тебе амрикай. Тебе нужны деньги и ответы на вопросы, понял?

– Да.

– Дорога вон там. Иди.

Конечно, я его завербовал. А вы как думаете? Когда человек в таком состоянии – самое время брать его тепленьким. Он сейчас как торпеда, надо только правильно развернуть его в нужном направлении – на американцев. И он наделает дел.

Почему на американцев? А кто ответит за экипаж «Сирены», а? Там двое русских было. А кто ответит за тех сирийских солдат, которые погибли, потому что не получили боеприпасы? А кто ответит за Украину, б... и за то, что мы с ней теперь воюем? А кто ответит за Югославию и то, что с ней сделали? А кто ответит за СССР и то, что с ним сделали?

Счет долгий. И рано или поздно по нему придется платить. Сполна. И пусть мизерную часть платы, но американцы внесут сейчас. Мне не по силам предъявить к оплате весь счет. Но тот вред, какой я смогу им причинить, – я причиню. Я причиню, другой причинит и рано или поздно они не выдержат. Капля камень точит.

Я – никто. Так, букашка-таракашка под ногами, какую и не видно. Но у нас в школе часто приводили пример слона и москита. Слон в миллионы раз сильнее москита. Но ес-

ли москит является переносчиком малярии, то слону, скорее всего, конец, и он ничего не сможет с этим поделать. Так и я. Я перевербовал Хабиба Фараха Ахмеда и настроил его против американцев не потому, что мне так приказали, а потому, что я мог это сделать. И сделал. Когда будет сыграна и пойдет в бито эта карта, мы продолжим игру и я придумаю что-нибудь еще. Потому что суслик, с..., хитрый.

Я толкнул лодку обратно от берега и сам запрыгнул в нее, промочив ноги до колен. Морпехи смотрели на меня и ждали новых приказов.

– Направо, – сказал я, – где пристать, покажу...

Поскольку я уже не первый день в этом варюсь, ходы и выходы знаю...

Сейчас не сезон, поэтому домики на природе, которые летом стоят бешеных денег, арендовать можно совсем недорого. Так я и сделал – арендовал домик, причем не сам, а по Интернету, деньги с чистой карточки скинул. Домик на каменистом откосе, скрытно не подойти. По меркам новых русских – лачуга: всего один этаж, стены из камня, и напрасно так много денег вложили в обстановку. По меркам шведов – отличный вариант, чтобы пожить недельку.

Я взял координаты этого места по GPS. Мы подошли сюда глубокой ночью, вытащили лодку на берег и спрятали ее в сарае. Потом завалились спать...

Утром позавтракали, чем бог послал. Я прикинул – отсю-

да звонить небезопасно, машины у меня нет – надо идти на автобус. Лучше потратить несколько часов, чем спалиться...

Что теперь делать? Ну, по факту надо эксфильтрацию делать – отправлять морпехов и самому отваливать. А может, попробовать отомстить и только потом – отваливать. Отомстить хочется, потому что есть правило – терпил бьют. Тут, кстати, если кого-то бьют, другие никогда не заступятся. Зайдут за дерево и позвонят в полицию...

– Товарищ капитан...

Я открыл глаза – не выспался немного. Пока что я сидел на каменном пологе, подложив под пятую точку одеяло, и встречал рассвет.

Трактор.

– Чего тебе?

– Хотелось бы узнать...

– Чего узнать?

– Как тут люди живут? А то в Швеции побывали...

– Тебе оно надо?

– Интересно просто.

Интересно... Иногда мне кажется, что я живу какой-то не той жизнью. Циничной и отравленной какой-то. Тот, кто не умеет радоваться, а умеет только видеть насквозь, почти что и не живет.

– Как тут живут... ну, раньше, говорят, тут лучше жили. Когда тут одни шведы были. Живут общинно, друг другу помогают, войны тут не было с тех самых пор, как Карл с Пет-

ром Первым воевал. Налоги тут – девяносто процентов от дохода, а то и сто процентов – получается, почти все перераспределяется. О нищем, об убогом – о любом позаботятся, не бросят. Это и сейчас есть. Только мигрантов много. Мусликов полно. Негров много. Воровство повальное, разворовывается буквально все. Шведы просто не умеют в конфликты вступать, если они видят, что воруют, – шум не поднимут, это дело полиции. Вообще, жаль мне их. Через пятьдесят лет Швеции не будет, а будет Шведостан.

– Да...

– Вот только одно «но»: зарплата пять штук евро – здесь норма. И это надо помнить.

– Да... – повторил Трактор.

– А чего? Переехать хочешь?

– Да не. Не думал вроде. Куда я...

Утром, не позавтракав, я пошел на дорогу. Водитель автобуса остановился... Люди здесь мягкосердечные, это у нас как будто каждый пытается за что-то отомстить всем остальным.

В Стокгольме прошелся по улицам, посмотрел – вроде никакой тревоги нет, полиция работает в обычном режиме. Нашел место, где можно сесть, есть бесплатный Wi-Fi и нет камер, сел. Вставил очередную карту в телефон, набрал номер Ахмеда.

Ответа нет.

Еще раз.

Ответа нет.

Так... понятно...

Достаю из планшета карточку и быстро иду к метро. Волка ноги кормят...

Выхожу на станции «Рикенбю». Раньше это был вполне нормальный район, теперь это Африка. Площадь перед станцией метро – бородатые, женщины в хиджабах. Ни одного шведа. В углу – группа молодых арабских подонков, передают по кругу косяк. Подогревают себя перед вечерними подвигами в нормальных районах. Обычное дело – бьют, насилюют, жгут машины...

Подхожу:

– Салам алейкум.

– Ва алейкум... – Настороженно смотрят на меня. Пытаются понять, кто я – хищник или жертва.

Я достаю из сумки планшетник.

– Сколько дашь?

Телефон идет по рукам. Он новый совсем.

– Ну... сто крон.

– По рукам, – говорю я, – такой же мне организуй. Желательно новый. И еще два одноразовых телефона, чистых.

– А бабки есть, мужик? – Арабский подросток смотрит на меня. Понял уже, что я каким-то образом имею отношение к криминалу.

– Есть. Давай тащи. И этот... у себя не держи, скинь. Он

паленый...

Араб понимающе ухмыляется...

Стокгольм, Швеция

25 ноября 2014 года

«Гольфстрим-V», небольшой гражданский самолет, принадлежащий холдинговой компании на Каймановых островах, заходил на посадку на небольшом аэродроме, расположенном к западу от Стокгольма. Аэродром этот считался заброшенным, хотя поддерживался в порядке. Он входил в состав площадок быстрого развертывания, которые строились в семидесятые для размещения самолетов НАТО после того, как все военные базы будут уничтожены советскими ударами. Сейчас он считался заброшенным, но кем-то постоянно подновлялся и поддерживался в порядке. В НАТО имелась полетная карта этого района и этого аэродрома...

Три машины, две из них – с дипломатическими номерами, ждали самолет. Морские пехотинцы в штатском стояли возле машин, держа в руках короткоствольные автоматы «Коммандо». Швеция – мирная страна, и тот факт, что машины охраняли вооруженные автоматами морские пехотинцы, показывал, что произошло что-то совсем неладное...

Светловолосый американец нервно курил, сидя в машине. Курил левой рукой, потому что правая у него была в повязке. Пепел стряхивал в окно.

Самолет ударился колесами о бетон, подняв облачка во-

дяной пыли. Подкатил к ожидающим его машинам, остановился. Люди у машин засуетились, из универсала «Вольво» появились носилки с капельницей, из багажника другой машины достали большой черный мешок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.